

Интервью с Полиной Анатольевной АМБАРОВОЙ

«СМОТРИ НА МИР И ВРЕМЯ РЕАЛИСТИЧНО, ДУМАЙ ОПТИМИСТИЧНО»

Амбарова П. А. — окончила факультет искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета (1998 г.); кандидат социологических наук (2002 г.); доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина). Основные области исследования: социология времени, социология культуры, социология управления.

Интервью состоялось: январь — февраль 2015 г.

Середина февраля 2015 года. Позади сотня проведенных интервью, это еще не завершение бесед с коллегами-социологами, но все же момент, отстоящий намного дальше от начала работы, чем от ее завершения. И если раньше мои традиционные вводки в интервью (я называю их «зонами свободы», ибо сам распоряжаюсь их объемом и содержанием) были короткими и несколькими словами лишь представляли моих собеседников, то в последние полгода они стали пространными. В них я стремлюсь подытоживать сделанное в течение десятилетнего периода интервьюирования и в общих чертах обозначать направления анализа собранной биографической информации.

Интервью с екатеринбургским социологом Полиной Анатольевной Амбаровой привлекает к себе внутренней энергетикой моей собеседницы, ее трезвым, здравым подходом к жизни, свойственным людям, впитавшим с детства ценности простого труда (где сразу виден его результат), леса и реки, доброй хорошей музыки. Кроме того, сказанное ею дает мне возможность вернуться к одной из тем, которые интересуют меня, поскольку представляются важными для оценки сделанного.

Я имею в виду многоаспектную и пока трудно формализуемую тему взаимоотношения поколений современного российского социологического сообщества. Еще на рубеже 1980-90-х годов в России активно действовали представители лишь первых четырех профессионально-возрастных когорт (Таблица 1); пятая, старшим из которых было около 30 лет, а младшим — менее 20, только входила в науку. К тому же социологическое образование пребывало в зачаточном состоянии и подготовка кадров в основном велась через аспирантуру в небольшом числе научных организаций, таким образом, связь между поколениями ученых преимущественно была лично-опосредованной.

В настоящее время, как видно из Таблицы 1, в российской социологии работают представители семи поколений, и наше сообщество – высоко гетерогенно во многих отношениях. Задержимся на его возрастной стратификации.

Самые старшие родились через 10–12 лет после Октябрьской революции. Дедушки и бабушки некоторых из них были дворянами по происхождению или получили эти звания за заслуги перед страной. Родители ряда моих собеседников участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах и с энтузиазмом строили новую жизнь. Некоторые социологи первого поколения воевали на фронтах Великой Отечественной войны, те, кто еще не достиг призывного возраста, ежедневно следили за ходом войны, теряли родных, с нетерпением ожидали Победу. Даже значительная часть представителей четвертого поколения помнит полет Юрия Гагарина.

Самые младшие в седьмом поколении родились после уже после развала СССР, и для них все, относящееся к 70-ти летнему его существованию, – история. Наши самые молодые коллеги родились почти через полвека после 9 мая 1945 года, и космические полеты для них – обыденность, значительной части населения страны не интересная. Старшие – застали время появления «голубого экрана» в дома, когда «на телевизор» ходили в гости, младшие – по окончании школы пользовались Интернетом.

Первые поколения «пробивали» право заниматься социологией, все были социологами-самоучками, жили и работали за «Железным занавесом», материалы первых опросов обрабатывали вручную или на перфорационно-сортировочной технике. Представители седьмого поколения изучают социологию в российских университетах, в Англии, Германии, США, Франции, многие имеют или будут иметь научные степени от ведущих Западных факультетов социологии и не могут представить свою жизнь, работу без персонального компьютера и изощенного специализированного софтвера.

Таблица 1

**Главные функции первых семи поколений
советской / российской социологии**

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошенных	Доминантная функция
I	1923 – 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	23	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	23	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	13	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	15	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	5	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		100	

Понятно, что в новых обстоятельствах – в силу обозначенных и большого числа не названных причин – личностно-опосредованной механизм формирования новых поколений социологов перестал быть сначала – единственным, потом – доминант-

ным. Межпоколенная система коммуникации внутри нашей огромной, дисперсной и высоко гетерогенной социологической общины постоянно усложняется. И если еще 20–25 лет назад она (межпоколенная коммуникационная система) могла наблюдаться с нескольких удачно найденных «точек» и моделироваться с помощью относительно простых графов, то сейчас для этого нужна сеть смотровых площадок, новые приборы для рассмотрения близко и далеко расположенных объектов. Кроме того, необходима новая, более сложная концепция видения и анализа связей между профессионально-возрастными стратами.

Мое историко-социологическое исследование началось в конце 2004 года, а первые интервью были завершены и опубликованы на следующий год. Стремление каким-то образом упорядочить накапливавшиеся интервью и соображения общего характера заставили меня задуматься о построении конструктивной типологии поколений социологов, скорее всего это было в первой половине 2007 года. Во всяком случае, в ноябрьско-декабрьском выпуске журнала «Телескоп» была опубликована моя статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [1]. В ней впервые я попытался изложить свое видение «лестницы поколений» и рассмотреть движение конкретного ученого в социологию в опоре на ее личные, биографические данные и на поколенческие характеристики; так получилось, что это оказалась Галина Старовойтова, Тогда писал: «Принадлежность к поколению — не титул и не звание. Система поколений — это лишь особый историко-научно-ведческий концепт, инструмент, позволяющий полнее описать становление отечественной социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотнести “институциональное” и “человеческое”. Этот подход — деталей я, естественно, не помню — показался мне интересным и через несколько месяцев в том же журнале была опубликована статья со сходным названием: «Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [2].

Их объединяло то, что Голофаст и Старовойтова принадлежат к третьему поколению, формировались в рамках «ленинградской социологической школы», и оба — независимо друг от друга — прошли сквозь так называемую «Сайгонскую культуру». «Сайгон» — общепринятое название кафе, располагавшегося в центре Ленинграда, в котором собирались молодые андеграундные поэты и музыканты, а также люди из диссидентских кружков, группировок. Голофаст недолго принадлежал к первой общности, Старовойтова — ко второй.

Моя убежденность в работоспособности концепта «социологического поколения» постепенно укреплялась, иначе в электронной переписке с В.А. Ядовым, она составила содержание статьи «Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека» [3], состоявшейся в 2008 году, мы не обсуждали бы эту тему. Тогда в моей коллекции было лишь одно интервью с социологом пятого поколения, а изучение биографий более молодых социологов никакими планами не предусматривалось. Рассказывая Ядову о сложившейся ситуации, я замечал: «Заявило о себе пятое поколение (1959–1970), чьи годы рождения группируются вокруг временной отметки 1964–1965; многие из них уже отпраздновали свое сорокалетие. Думаю, что это люди принципиально иных воззрений на мир, на прошлое СССР/России, на историю советской/российской социологии, чем все предыдущие поколения. Их двадцатилетие пришлось на начало перестройки. Совсем сложно говорить о шестом и только зарождающемся седьмом поколениях. Годы рождения первого приходятся на интервал с 1971 по 1982 годы (то есть многим уже за тридцать), вторые — в буквальном смысле “дети перестройки”; старшие из этой возрастной когорты уже профессионально определились, а самые младшие (родившиеся в начале 1990-х) — на пороге выбора профессии.

Ясно одно: жизненный опыт и ощущение мира, с которыми они входят в жизнь, принципиально иные, чем то понимание жизни и своего места в ней, с которым начинало социологию твое поколение».

За прошедшие с момента конструирования лестницы поколений годы мне удалось не только с той или иной степенью обстоятельности рассмотреть семь ступеней этой конструкции, но увидеть новые возможности в когортном анализе нашего профессионального сообщества. Процесс становления и смены поколений может рассматриваться как эффективный подход к исследованию истории современной российской социологии.

В Таблице 1 указаны поколенческие интервалы, т.е. временные интервалы, в которых заключены годы рождения представителей семи страт нашего профессионального сообщества. В следующем столбце – количество респондентов каждого поколения, беседы с которыми были завершены к концу января – началу февраля 2015 года; их общее число тогда равнялось 100. Замечу, процесс интервьюирования продолжается, и общее число бесед к лету может достичь – 120.

В третьем столбце Таблицы 1 названы функции каждого из поколений; такими они мне виделись в 2010 году, когда в поле моего анализа находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений и количество опрошенных не достигало и полусотни. Безусловно, в процессе дальнейшей работы многое будет уточнено, могут быть откорректированы названия поколений, но в любом случае, мне кажется, что функциональный подход к пониманию сущности поколений может оказаться плодотворным для раскрытия механизмов становления и функционирования поколений российских социологов, а значит – истории отечественной социологии. Более того, тема личностного и поколенческого в динамике поколений вполне может стать одной из ключевых

В своем рассказе о вхождении в социологию, о работе над уже подготовленной докторской диссертацией по темпоральной проблематике Полина Амбарова – представитель шестого поколения социологов щедро называет имена своих учителей и наставников, а также авторов книг, по которым она осваивала различные разделы социологии. Если видеть в этом списке нечто общее, типичное, то подобная, но более богатая совокупность имен позволяет говорить – в первом приближении – о контактном (личностном) и внеконтактном (не личностом) влиянии социологов первых поколений на становление различных социологических поколений.

Понятие «личностного влияния» распространяется на случаи, когда молодые социологи посещает лекции и семинары своих преподавателей, обучаются у более опытных специалистов в аспирантуре, консультируется с ними при выборе темы докторской диссертации и ее разработке, а также на все формы взаимодействия младших коллег со старшими. Внеконтактное общение – это, прежде всего, чтение книг и статей различных ученых, изучение материалов об их творчестве.

Безусловно, можно и нужно анализировать контактное и внеконтактное общение на разных уровнях: личное-личное, личное-поколенческое и поколенческое-поколенческое.

Когда П. Амбарова называет имена авторов, работы которых она читала и конспектировала: В. Артемов, С. Белановский, Л. Гордон, А. Готлиб, Б. Грушин, И. Девятко, Б. Дубин, Э. Клопов, А. Крыштановский, Ю. Левада, В. Патрушев, Г. Петросян, Г. Пруденский, В. Семенова, Г. Татарова, Ю.. Толстова, Н. Хренов В.. Ядов, В. Ярская-Смирнова, то фактически она очерчивает круг своего внеконтактного общения на уровне «личное-личное». Отмечая влияние на нее Юрия Рудольфовича Вишневого, Елены Викторовны Грунт, Гарольда Ефимовича Зборовского, Льва Наумовича Когана

и других, она задает значимые, ядерные точки в области ее контактного «личное-личное» общения. Замечу, как правило, когда речь идет о старших коллегах, то контактное общение дополняется внеконтактным.

Но эту же информацию можно трактовать как указание (применительно к П.Амбарово́й) на «личную – межпоколенную» коммуникацию. Например, к первому поколению относятся: Б. Грушин, Л. Коган, Ю. Левада, Г. . Г. Пруденский, В. Ядов; есть и группа социологов третьего поколения: Ю. Вишневский, А. Готлиб, Г. Зборовский, Г. Татарова, Ю. Толсто́ва, Н. Хренов, В. Ярская-Смирнова.

Предполагаю, что интересные историко-социологические задачи и трудно предсказуемые результаты могут быть получены, если поколения рассматривать не просто как совокупность социологов, года рождения которых расположены в одном поколенческом интервале, но трактовать поколение как носитель доминантной (критериальной) функции и, конечно, же функций, характерных для других поколений.

Завершая этот текст, отмечу одно важное для меня обстоятельство. Я радостно удивлен тому, что немалое число социологов из «списка Амбарово́й», как в заметной степени определивших направление и содержание ее научной деятельности, в разные годы были моими собеседниками. Вот они: В. Артемов, А. Готлиб, Ю. Вишневский, Г. Зборовский, В. Семенова, Г. Татарова, Ю.Толсто́ва, В. Ядов, В. Ярская-Смирнова. Таким образом, можно предположить, что проведенные биографические интервью дают возможность для изучения становления поколений российских социологов.

И это крайне важно для понимания нашей истории.

1. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf

2. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

3. Докторов Б. , Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Социальная реальность. 2008. № 4. С. 47 – 81. <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-346.pdf>

Амбарова П. А. «Смотри на мир и время реалистично, думай оптимистично»

Полина Амбарова — это Ваша фамилия по рождению или после замужества? В любом случае, Вы знаете ее происхождение? Насколько глубоко Вам знакома история Вашей родительской семьи?

Амбарова — это моя девичья фамилия, полученная по традиции от отца — Анатолия Иосифовича Амбарова. Мне пришлось поменять ее лишь однажды, ненадолго, потом «вернуться» к ней снова и уже никогда не менять. Из ближайших родственников я, пожалуй, единственная, кто сохранил ее. Правда, однажды я выступила и под фамилией своей мамы — Александры Сергеевны (в девичестве Двойниковой). Мне нужно было поставить подписи под двумя заметками в газете, в которой я работала корреспондентом. Одной фамилии не хватило и пришлось позаимствовать у мамы. Мне трудно было сдержать смех, когда мама прочитала заметку, увидела знакомую фамилию и обратилась ко мне со словами: «Представляешь, на Урале тоже есть Двойниковы! Вот, смотри». Мне пришлось признаться в своей проделке с фамилиями и немного ее расстроить — у мамы сильно развито чувство землячества и ностальгия по ее малой родине — рязанской земле.

Происхождения своей фамилии я не знаю, но встречала ее упоминание в интернете у людей из разных регионов России. Наверно, это не самая редкая фамилия.

История моей семьи — и по отцовской, и по материнской линии — в подробностях мне известна только до поколения бабушек-дедушек. К сожалению, мне почти не довелось общаться с ними — бабушки умерли, когда я была еще маленькой, дедушек я вообще не застала — оба они прошли войну, были сильно изранены.

Семья Амбаровых, по разговорам, была исконно уральской, проживала в селах и деревнях Ирбитского района. Город Ирбит, в котором я появилась на свет, — один из старинных не только уральских, но и российских городов, был основан в 1631 г. Иваном Спициным, сначала под названием Ирбеевской слободы. Именно там гремели знаменитые Ирбитские ярмарки, описанные в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Я люблю бывать в этом городе, несмотря на плачевное состояние памятников архитектуры — изумительной красоты одно- и двухэтажных каменных домов, изукрашенных каменным узорочьем — и несмотря на угасшие заводы, из которых самым знаменитым на всю страну был Ирбитский мотоциклетный завод. На этом заводе много лет работали мои родители и почти все соседи по дому. Мы жили совсем близко, на ул. Советской, и иногда ходили с сестрой встречать маму со смены. Видели, как заканчивается рабочий день у заводчан, как идут они через проходную, прощаются друг с другом... Крыши многих домов, ограждения в Ирбите были выкрашены «знаменитой» зеленой мотоциклетной краской.

Именно в этом городе прошло мое советское детство: с бабушками у подъезда, с играми в «казаки-разбойники» в большой дворовой компании. Переезд нашей семьи в 1980 г. на другое место жительства совпал со смертью бабушки.

С тех пор обязательно раз в год кто-то из нашей семьи приезжает в Ирбит на могилу к ней. Это традиция: прибраться на могиле, пройти мимо знакомых до буквы старинных камней, вросших в землю, а потом зайти в старую церковь, в которой до сих пор сохранился ярко-синий со звездами потолок (как помню из детства).

Дед по отцовской линии был деревенским кузнецом. Человек он был суровый, и мой отец его боялся, особенно тогда, когда тот был побрит (почему-то таким он казался ему еще более суровым). Бабушка была хорошей стряпухой, готовила очень вкусную выпечку. От бабушки отец унаследовал любовь к пирогам и от деда — мастеровитость и «золотые руки». Трудно сказать, чего он не умеет делать: может выстроить дом (на его счету три больших капитально отстроенных дома), отремонтировать любой прибор (кроме, конечно, электронных), сконструировать механизм, инструмент. Его так и называют соседи и знакомые — «наш Кулибин».

Трудное военное и послевоенное детство не позволило отцу получить образование. Но, если бы это случилось, из него получился бы хороший инженер, а может быть и инженер-конструктор. Впрочем, отсутствие формального образования не помешало ему заниматься самообразованием. Отец много читал и до сих пор читает. В гараже хранятся многолетние подшивки журналов «Моделист-конструктор», «Техника — молодежи», отдельные номера которых я потихоньку от него выдергивала и читала. Помимо интересных научно-познавательных заметок в них печатали фантастические рассказы.

Может быть, благодаря этому, а скорее всего из-за того, что отец никогда не возражал против моего присутствия во время его работы, я научилась каким-то нехитрым приемам мужской домашней работы, которые мне до сих пор пригождаются в быту. Мне очень нравилось смотреть, как плавится олово, как пахнет канифоль, как из-под отцовских рук что-то появляется. До сих пор мы с ним нет-нет и садимся один на один, чтобы обсудить какие-то технические «проекты» (дачного дома, водопровода) обязательно с элементами «автоматизации».

Семья мамы, так же, как и у отца, была большой деревенской семьей. Из десяти детей пятеро погибли на войне. Пятерых оставшихся бабушке — Анне Михайловне — пришлось поднимать одной. Ее муж — Сергей Иванович Двойников — был демобилизован в конце войны из-за ранений и умер почти за месяц до окончания войны и рождения своей последней дочери Саши (моей мамы). Семья пережила пожар, в котором сгорело все — и дом, и вещи, и семейные фотографии. Бабушка с такими же погорельцами ходила с корзиной по деревням, собирая продукты и одежду. Работала водовозом на ферме, зимой возвращалась домой в одежде, покрытой коркой льда, выпивала несколько стаканов горячего чая и только тогда приходила в себя.

Никого из детей бабушка не отдала в интернат или родственникам (хотя те просили), всех подняла сама. Все пятеро оставшихся детей «вышли в люди». Трое сыновей уехали строить Магнитку и там осели, завели семьи.

Чем жили и занимались родственники по линии бабушки, не знаю. А вот по линии деда история известна. Семья была «крепкая», поскольку держала постоянный двор. Трое сыновей жили дружно и все были женаты на Аннах. Бабушка вышла за деда в 16 лет. Свадьбу играли скоро: бабушка, Анна Михайловна, была красивой — статной, высокой, с черными выразительными глазами — и пригля-

нулась невысокому и коренастому Сергею Ивановичу. Бабушка сохранила свою красоту даже в старости, несмотря на тяжелую жизнь, рождение десятерых детей, пять похоронок. Моя сестра унаследовала от нее красивые темно-карие глаза.

Дед в колхозе почти не работал, служил лесником и всегда говорил бабушке: «Ничего, Аннушка, проживем хорошо». Действительно, семья никогда не бедствовала. Может быть, эта черта была семейной. Два других брата деда тоже жили зажиточно. Один, правда, бежал в леса, когда раскулачивали. Другой остался в деревне, но жил на особинку — выращивал с женой помидоры и качал мед, затем куда-то продавал или сдавал.

Почему я считаю это семейной чертой? Потому что моя мама унаследовала ту же домовитость и рачительность. Наша семья, хоть и жила, как многие советские семьи, небогато, но никогда не бедствовала благодаря маминому ведению хозяйства: в доме было всегда чисто, всегда была вкусная, сытная еда, пироги, мясо, рыба, заготовки. Надеюсь, что это передалось по наследству и следующим поколениям нашей семьи.

К сожалению, я почти не поддерживаю связей с нашей многочисленной родней (это делает моя сестра через социальные сети). Но в кругу ближайших родственников у нас культивируются тесные семейные связи: мы очень близки с сестрой и воспитываем и принимаем всех наших четверых детей как одинаково родных. Иногда мне приходится выступать посредником между ней и ее «кризисным» ребенком, иногда она защищает или воспитывает моих детей. У меня хранятся небольшие записи семейных историй и родословных, записанных со слов родителей. Но это лишь то небольшое, что удалось сделать за время коротких разговоров. Хорошо, что сейчас есть техника и можно записывать, чтобы сохранять для детей семейную память.

Вы пошли в школу в Ирбите или уже на новом месте жительства? Какие воспоминания о школьных годах: как шло учение? что читали? что вообще интересовало?

С переездом из Ирбита в Рефтинский — поселок городского типа — закончилась детсадовская жизнь. Отец в поисках лучшей жизни за несколько лет до этого уехал на строительство Рефтинской электростанции, а затем перевез и всю нашу семью — маму, меня и мою старшую сестру Веронику. Поселок был «молодым», с чистыми широкими улицами, огромным Дворцом культуры с Зимним садом и осетрами в маленьком бассейне. В нем были построены благоустроенные дома с горячей водой в кране!!! После Ирбита для меня это было самым удивительным делом. До переезда в Рефтинский я думала, что ванна существует в доме для того, чтобы полоскать в ней белье, а моются люди в бане.

Школа, в которую я пошла через несколько месяцев после переезда, располагалась в трех минутах от дома. Одновременно я поступила в музыкальную школу по классу фортепиано. В учебе примером для меня во многом была старшая сестра. У нее всегда все было в порядке — уроки, учебники, тетрадки, все было чистенько и аккуратно, училась она старательно. И несмотря на то, что у меня уже появились школьные подружки, я тянулась к ее компании, особенно когда она закончила восьмилетку и поступила в музыкальное училище в соседнем городе Асбесте. Тогда у нас дома стали появляться ее подруги по училищу. Они привозили комплекты пластинок с записями опер (иногда оперетт), обсуждали

фильмы. А мы с сестрой потом слушали оперы с клавиром. Иногда они брали меня с собой на концерты в Асбест или Екатеринбург. В музыкальной школе мне было легко учиться, потому что многое я уже знала и, например, на уроках музыкальной литературы воспроизводила отрывки просто по памяти. По примеру сестры я даже хотела потом поступить в музыкальное училище, но обязательно по классу фортепиано. К сожалению (или к счастью), меня остановило предупреждение педагогов о том, что это невозможно из-за маленькой руки и соответственно недостаточно хорошей техники. Мне предлагали теорию музыки, что было совсем не интересно.

В общеобразовательной школе (как и в музыкальной) меня знали почти все учителя (конечно, из-за сестры). Училась я хорошо и легко, поэтому поддерживать «репутацию» семьи было нетрудно. Школьные годы не оставили каких-то очень ярких событий в моей памяти, хотя я помню всех учителей и все это время. Событий, может быть, и не назову, но воспроизведу атмосферу последних двух школьных лет, когда сформировались интересы, определившие дальнейшую жизнь.

Мне было примерно шестнадцать лет, когда я резко поменяла свое окружение. В 10 классе я попала в смешанный класс, образованный из учеников других классов. Среди них оказались девочки, любившие хорошую музыку и хорошую литературу. Кроме того, появился человек, который объединил нас и наши интересы. Это был преподаватель литературы Лидия Ивановна Кочнева, Лидиван, как мы ее звали. Это было время, когда стали читать Гранина, Шаламова, изучать поэзию «серебряного века». Я часто бывала в доме у Лидии Ивановны, брала читать книги из ее библиотеки. Именно через нее, через ее дом и ее детей мне открылся путь в университет. Ее старшая дочь — Алена — училась в те годы на филологическом в Уральском университете. Умница, красавица, легкая во всем...

Я рано научилась читать, дома книг было немного (все домашние книги при переезде подарили городской ирбитской библиотеке), и я с первого класса стала ходить в библиотеки, которые только были в поселке, брала книги у подруг. Кроме того, родители не жалели денег и выписывали для нас журналы — «Юный натуралист», «Уральский следопыт», «Музыкальная жизнь», «Студенческий меридиан», «Юность». Читала всегда и везде, где только было можно — Майн Рида, Марка Твена, запоем — Владислава Крапивина, всю классическую детскую литературу. У моей тетушки с папиной стороны дома были исключительно хорошие книги. Она жила (и до сих пор живет в Екатеринбурге), и я, приезжая иногда к ней на каникулы, читала собрания сказок народов мира и литературные сказки. Помню свои впечатления от печальных сказок Андерсена и страшных немецких народных сказок.

С тех пор я продолжаю свято верить, что «книга — лучший подарок». В старших классах начала собирать книги для домашней библиотеки. Вначале это были сборники поэтов «серебряного века» (Гумилев, Цветаева, Ахматова, Мандельштам), книги и альбомы по искусству. Все свои книги потом я всегда возила с собой, по всем городам-весям. Много привозила из поездок из других городов, покупала в букинистическом магазине на Вайнера в Екатеринбурге (но это было уже позже, в годы учебы в университете).

Когда встал вопрос о выборе вуза, то колебаний никаких не было — это был университет. Собственно, сомнений по поводу выбора факультета тоже не было. По крайней мере, для меня было ясно: из трех — филологического, журфака и факультета искусствоведения и культурологии — последний был самым привлекательным. Хотя бы потому, что я не знала, как туда поступить. Дело в том, что первым экзаменом нужно было сдавать историю искусства, но ни в одной из школ ничего подобного не изучали. Весь последний, 11 класс я самостоятельно готовилась. Поступила на заочные подготовительные курсы, писала контрольные. Получив их обратно с рецензиями, расстраивалась в ответ на замечания типа «Старая литература». А какая еще литература была в поселковой библиотеке? Старые книги, журналы, буклеты. Искала книги по знакомым, по другим библиотекам. До появления Интернета было еще лет 10.

Вообще-то я была обычной советской школьницей: бегала в выходные и каникулы по окрестным сугробам или лужам (в зависимости от сезона), выкладывала «секретики» из стекол, была октябренок (в комсомол, когда подошел возраст, можно было уже вступать или не вступать по желанию). Потом были школьные компании, в которых слушали В. Бутусова, В. Цоя, первые влюбленности, занятия классическими танцами и дискотеки. Надо отдать должное моим родителям: они никогда не мешали мне в выборе интересов, друзей, занятий. Но я не помню ни одного случая, когда они бы пропустили учебный концерт в музыкальной школе, родительское собрание или другое мероприятие, связанное с дочерьми. Они всегда брали нас с собой — в кино, на индийские фильмы, в поездки к родственникам, на рыбалку, летнюю и даже зимнюю. Кстати, благодаря рыбацкой страсти моих родителей (мама, пожалуй, до сих пор более страстный рыбак, чем папа) я чуть не родилась на льду далекого озера в глухом углу Ирбитского района. Буквально за два дня до родов в январские морозы мама еще ночевала в палатке на льду и толкала с папой наш «ушастый» «Запорожец».

И вот школа позади. Вы решились поступать на факультет искусствоведения и культурологии или в последний момент передумали? Поступили с первой попытки?

Выпускной в школе пришелся на 1992 г., время смутное в политическом и экономическом отношениях, но очень интересное для меня в личном плане. Все социально-экономические и политические передряги больше осознавали и испытывали на себе родители, а я, как и все мои одноклассники, скорее была озабочена будущим.

В университет я поехала поступать без родителей, с подругой Юлей Гуляевой (она наперекор своей семье, в которой были одни медики, хотела стать психологом). Мы самостоятельно нашли жилье, устроились на абитуру. Утром бегали на курсы, днем сидели в библиотеке, а вечером — на кухне большой коммуналки в самом центре Екатеринбурга, на проспекте Ленина напротив Главпочтамта. К нам в гости приходила еще одна знакомая девушка, которая в то время уже училась в университете на социологическом факультете и одновременно на факультете социальной психологии Гуманитарного университета. Как ни странно, я не заинтересовалась тем, чему она училась, — ни социологией, ни социальной психологией. Но слово «социология» уже мелькало в наших разговорах.

Да, я поступала на культурологию. Мы были вторым набором на эту специальность, конкурс был высоким, и главную конкуренцию нам составляли выпускники СУНЦа (специализированного учебно-научного центра УрГУ — лицея). Мне не хватило одного балла для поступления на очное отделение, так как получила одну единственную четверку как раз по истории искусства. Недолго думая, я перевела документы на заочку и 4 августа была зачислена в университет. Надо сказать, что на следующий год я вновь попыталась поступить на очное, но ушла прямо в начале экзамена (на то были причины личного характера). Никогда потом не жалела об этом.

В группе заочников (она была большой — 25 человек) оказалось очень много интересных людей. С двумя из них я до сих пор иду по жизни. Первая — Марина Козлова (Коваль), в семье которой я прожила в качестве ее члена все 12 университетских семестров. Вторая — Альбина Железникова — прирожденный педагог (сейчас работает и в школе, и в одном из университетов Екатеринбурга). С ней я не только училась, но и некоторое время жила в одном из военных городков Свердловской области.

Марина работала в замечательной библиотеке им. Герцена, расположенной в старинном особняке на ул. Чапаева. Сейчас все дома на этой улице отреставрированы, сама улица стала чистой, светлой, красивой. А тогда она была не менее красивой, но тенистой, заросшей липами и тополями, с узенькими тротуарами с торчащей вкривь-вкось плиткой. Когда я приходила к Марине в методический отдел в один из флигелей, там, как правило, уже «заседала» компания филологов, которые рассказывали интересные литературные байки, истории из университетской жизни, филологически «хулиганили».

Марина возила из библиотеки домой огромные сумки с книгами и альбомами, которые мы изучали, читали и конспектировали. Это избавляло нас от многочасовой работы в библиотеках и давало возможность основательно все изучать. Особенно хорошо было летом на огромной Маринкиной лоджии, на старом диванчике, который сейчас «доживает» на ее даче. Здесь мы читали, дремали после бессонных сессионных ночей, ели абрикосы или клюкву в сахаре (смотря по сезону), слушали радио-болтушку, праздновали дни рождения (мой приходился на зимнюю, Маринин — на летнюю сессию).

Нам повезло. Лекции читали лучшие на тот момент университетские профессора и доценты. Первое занятие вел профессор Всеволод Иванович Колосницын — талантливый ученый-филолог и культуролог, замечательный лектор и чудесный человек. Он пришел на занятие в легком летнем пиджаке и сандаликах, чуть присел на край стола и так, небрежно покачивая ногой, негромко начал рассказывать нам о том, что такое культурология, история культуры и искусства.

Второй фигурой, которая поразила нас, был Лев Наумович Коган — в отличие от невысокого, худощавого Колосницына, очень большой и очень громкий. Он читал «Введение в специальность» — один-единственный курс, очень короткий, который я бы назвала «Погружение в специальность». Естественно, не было в его лекциях никаких определений, концепций, были образы, были имена, была философия профессии. Первая книга по социологии, попавшая в мою библиотеку, принадлежала ему — это была «Социология культуры». На моей рабочей полке этот тоненький учебник стоит рядом с коганской «Теорией культуры».

Обе книги исчерканы, истрепаны, заклеены, прочитаны вдоль и поперек, от начала до конца и наоборот. Позже появились у меня и другие книги Когана — «Философия: серьезное и веселое. Очерки о философии Уильяма Шекспира», «Цель и смысл жизни», «Вечность», «В четвертом измерении», «Зло», «Человек и его судьба». Льва Наумовича мы знали и слушали в то время не много, а за год до нашего выпуска из университета он ушел из жизни.

Вообще надо сказать, что учебный план, по которому мы учились, был выстроен очень необычно. Специальных курсов по культурологии как науке нам не читалось, но зато крупными блоками изучалась история искусства, мировая и отечественная история, философия, а также литература. Сквозь призму этих наук и личное общение с некоторыми преподавателями формировалось культурологическое видение. Мне кажется, что в те годы не все в университете еще толком понимали, что такое культурология, и поэтому ее всегда скромно, через запятую, ставили после искусствоведения. Искусствоведы с издевкой называли нас «дилетантами широкого профиля», а мы доказывали, что знаем искусство не хуже, чем студенты-искусствоведы, и можем рассказывать не только о Лотмане или Хёйзинге, но и подробно знаем технологию подготовки холста или можем сказать (и даже доказать), кисти какого художника принадлежит копыто правой ноги вороной лошади на крошечном фрагменте репродукции. И не удивительно, ведь нам читали мэтры уральской школы искусствоведения — Г. Б. Зайцев (известный коллекционер, один из первых организаторов художественных аукционов в постсоветское время), С. В. Голынец, С. П. Ярков, А. М. Раскин, А. Ю. Каптиков. Роль Анри Юрьевича Каптикова была особая. Историк русской архитектуры, знаток русской художественной культуры, он первый начал читать нам историю искусства культурологически, причем и через философию искусства, и через исследование повседневных практик.

Студенческая жизнь заочника сильно отличается от образа жизни студента-дневника. Приходилось работать и учиться, учиться и работать, а учились и работали мы все взахлеб. Все, чему учили нас, переносили в практическую работу, и наоборот. И всегда во всем было напряжение, плотность — и в учебе, и в работе, и в личной жизни. Как я уже говорила, мне не пришлось учиться в университете на дневном отделении, и я не жалела об этом потом. Думаю, что эти шесть лет научили меня даже большему, чем это могло бы быть. Возможно даже, я бы не пришла в социологию, поскольку особенности именно заочного обучения заставили меня обратить внимание на эту науку. Пришла я в нее по необходимости, а осталась по желанию.

Прежде всего, похоже, Вы не написали о своей работе... вы ведь, по-моему, должны были работать по характеру учебы...

К сожалению, нет такой работы, которая бы в полной мере соответствовала моей первой специальности. Хотя интересно было бы увидеть запись в трудовой книжке: «С такого-то числа работает в должности культуролога...».

К счастью, я могла работать (и работала) в различных местах. Недолго — 1,5 года — корреспондентом в газете «Рефт» в том самом поселке, где жила с родителями (в течение последнего школьного года я училась в Школе юнкора и уже была знакома с редакцией). Срок не долгий, но за это время я приобрела большой и жизненный, и трудовой опыт. Приходилось общаться с разными

людьми, искать интересные сюжеты, нужную информацию, писать материалы различных жанров, осваивать навыки технической редакции (я еще застала время печатной машинки и линотипов, компьютерная верстка и печать только-только входили в газетную практику). Все эти знания и навыки пригодились потом. Наша небольшая редакция на 80 % состояла из университетских людей и соответственно в ней создавалась особая атмосфера, разговоры и отношения. Хотя меня журналистика никогда особо не привлекала, тем не менее это был жизненный старт, замечательный и полезный во всех отношениях.

В последующие годы мне приходилось много ездить (это было связано с семейными обстоятельствами) и, соответственно, постоянно менять работу, почти каждые 1,5–2 года. Но среди многочисленных видов занятости главной и постоянной была педагогическая деятельность. Я начала работать в школе сразу, как только выпустилась из нее. Сначала это была музыкальная школа, школа искусств, затем еще и общеобразовательная. Иногда приходилось работать сразу в двух школах. Преподавала мировую художественную культуру, историю, культуру Урала, историю музыки, организовывала литературные гостинные, музейные экскурсии. И конечно, фигурально выражаясь, мне в школе было тесно. Меня буквально распирало от того знания и образования, которые я получала в университете, многое оставалось «про запас». В итоге пришло понимание того, что все нужно кардинально менять.

Через год после окончания университета я оставила школу и уже никогда в нее не возвращалась. Правда, опыт учительства очень пригодился в университете: мне легко было структурировать лекции, выстраивать практические занятия, организовать работу студентов, писать рабочие программы, за непри-
нужденным, на первый взгляд, разговором и художественными примерами четко видеть дидактику, логику, цели занятия. Получается, что педагогическую практику я проходила все шесть лет не на словах, а на деле, как бы готовясь к преподаванию в вузе. Кстати, некоторых своих школьных учеников я потом встречала в университете и даже учила.

Итак, учились Вы пять или шесть лет, значит – закончили в 1997 или 1998 годах. Вы привыкли к Екатеринбургу... Что было дальше?

Университет я закончила в 1998 г. и сразу прикрепилась соискателем на факультет социологии УрГУ. Шансов поступить в социологическую аспирантуру у меня как не социолога практически не было. Екатеринбург к тому времени стал родным и очень притягательным, но переехать в него удалось только через год. Я бы не сказала, что мне пришлось привыкать к нему, как-то сразу влилась в этот город, в его темп, ритм, масштабы. Может быть, в этом определенную роль сыграл мой кочевой образ жизни.

В 1999 г. я с радостью окунулась в новую жизнь. В ней уже появилась наука: к моменту переезда я сдала кандидатский по философии, начала писать диссертацию, были поездки на конференции, публикации. Первый год был очень не простым, не в плане адаптации, а в плане работы. Нужно было зарабатывать, чтобы снять квартиру, обеспечить себя, нужно было готовиться к кандидатскому по иностранному. Вставать чаще всего приходилось в 4–5 часов утра, чтобы переводить тысячи, учить диалоги и пр. Затем бежать на работу (тогда я работала в небольшом негосударственном вузе). Вечером – английский или самостоятель-

ные занятия по социологии, работа с книгами, журналами в «Белинке» (областной библиотеке имени Белинского). А еще хотелось почитать, сбежать в театр и... поспать. Мне кажется, тот темп, который я задала себе в тот год, никогда больше не снижался, а может быть даже увеличился с годами.

Социологию мне пришлось осваивать самостоятельно, по учебникам Зборовского, Фролова, Смелзера и... книге Дж. Александера на английском языке! Только потом я поняла, на что замахнулась. К сожалению (а может быть к счастью), все свои переводы я выбросила, поэтому сейчас не могу оценить свой переводческий «труд». Этот сложный 1999 год закончился успешной сдачей очередного кандидатского, переходом на работу в Уральский политехнический университет (знаменитый УПИ), перездом в собственную квартиру и замужеством.

С Юрием Рудольфовичем Вишневым я познакомилась на Файнбургских чтениях в Перми еще до того, как перешла работать к нему на кафедру социологии и политологии. Я тогда плохо знала уральских социологов, практически никого, кроме Л. Н. Когана, Елены Викторовны Грунт, моего научного руководителя и ученицы Льва Наумовича, и заочно — Гарольда Ефимовича Зборовского — по его учебникам. Тогда в Перми я впервые увидела М. А. Слюсарянского, Г. В. Разинского, В. А. Мансурова, познакомилась с екатеринбургскими социологами — Н. И. Шаталовой и Ю. Р. Вишневым. Причем с последним — при веселых обстоятельствах. На дружеском банкете вдруг появился очень громкий, веселый, большой человек, точно не пермяк, и взял на себя роль тамады. Я спросила у Н. И. Шаталовой, кто это, и она с удивлением ответила: да ведь это Вишневский! Так я познакомилась с главным тамадой Урала.

В какой-то момент у меня появилась возможность устроиться на профильную кафедру — кафедру культурологии, но что-то тогда меня остановило. Через две недели мне позвонил Юрий Рудольфович и пригласил на кафедру. Так я окончательно осталась в социологии и на той кафедре, с которой не расстаюсь уже пятнадцать лет.

**... ясно, Вы заработали себе право быть в нужном месте и в нужное время...
С чего Вы начали свою деятельность на кафедре Ю.Р. Вишневого?**

Нет, я думаю, что это произошло по другим причинам (или законам). В терминологии синергетики это означает «выпасть в аттрактор». Просто формируется некая область деятельности, интересов, людей, событий, которых ты притягиваешь и к которым притягиваешься сам. И все, что ты предпринимаешь (случайно или сознательно, «для того, чтобы» или вопреки), подталкивает тебя к той траектории, которая тебе необходима в этой жизни.

Начну с того, что на кафедре у Ю.Р. Вишневого я сразу почувствовала себя комфортно, и это чувство с тех пор не покидало меня. Я считаю, что мне крупно повезло: иметь работу, которая нравится, иметь профессию, которую никогда не хотелось менять, иметь руководителя, от которого не хочется уходить — это дорогого стоит.

Придя на кафедру, я сразу приняла ее «формат». Кафедра выпускающая, много лет готовит студентов по управленческим специальностям. Социология, которая когда-то была основной дисциплиной, читаемой преподавателями кафедры социологии и политологии УПИ, в 1990—2000-е гг. ушла на второй план, а сейчас, в связи с изменениями образовательных стандартов, и вообще

на последний. Я начала читать социологию студентам технических факультетов, и менеджмент — студентам нашего факультета — факультета гуманитарного образования. Недолго выполняла ассистентскую работу и очень быстро перешла на лекции и дипломирование. «Засиживаться» не давали, да и не хотелось. А вскоре — в 2002 г. — состоялась защита диссертации, которая положила конец беззаботной ассистентской жизни. Вообще на кафедре всегда царил дух свободы и можно было ее брать, сколько унесешь (как у Ельцина).

Социологию я читала, как песню пела (по крайней мере речитативом). Конечно, в переносном смысле, но отчасти — и в прямом. Дело в том, что студенты-технари — слушатели особые. Для них социология, философия, культурология представляют собой «плетение словесных кружев», только мешающих освоению их профессии. Поэтому очень быстро я поняла, что академический стиль преподавания социологии только мешает и мне, и студентам. Придуманый мной художественно-публицистический стиль включал различные жанры и приемы: биографический (когда сквозь призму биографии социолога, в рассказе об особенностях его личности вдруг вычерчивается концепция, теория, созданные им), фольклорный («иллюстрации» в виде анекдотов, слухов, баек, афоризмов, каламбуров и проч.), литературно-кинематографический (мною приводились примеры, сюжеты, ситуации, высказывания героев известных фильмов, романов, рассказов). Все это «работало» на то, чтобы возник эффект переинтерпретации действительности. Я как бы говорила: «Я рассказываю вам о том, что вы уже знаете, но это можно понимать иначе. Все знакомое, обыденное должно стать незнакомым и непонятным, то, что было невидимым, должно стать очевидной реальной силой, влияющей на вашу личную жизнь и судьбу». Эти приемы помогали мне излагать историю социологии, сложные для будущих инженеров теории Конта, Парсонса, не говоря уже о том, насколько это легко было делать по проблемам социологии личности, культуры. Даже методы социологии осваивались нетрадиционно: на материалах университетского сленга («большак»=большой перерыв, «паркет»=холл третьего этажа главного корпуса с паркетным полом, «теплый»=теплоэнергетический факультет и пр.), граффити, надписей на партах, подоконниках аудиторий (факультеты, на которых я читала, в то время считались «бедными» и мебель в аудиториях стояла старая, сплошь исписанная студенческими «мудризмами»).

Я очень сожалею, что сейчас социологию приходится читать редко и небольшими курсами. В большей степени она осталась для меня только наукой и моим собственным образом жизни и мышления. Думаю, что если бы ее сохранили в качестве обязательного для всех специальностей предмета, мы бы получали профессионалов иного качества — думающих, рефлексизирующих, способных видеть за формулами и технологиями человека.

Кроме преподавания, конечно, была наука. И в ней тоже была свобода: можно было выбирать кафедральную тему, а можно было заниматься тем, что тебе интересно. Можно было влиться в научную группу, а можно было работать в одиночку...

Первые годы университетской жизни были связаны с еще одной сюжетной линией, характеризующей культуру Уральского политеха. Это кураторство. Безусловно, этот институт существует во всех вузах, но в УПИ он был и остается краеугольным камнем внеучебной работы со студентами. Мы с моими моло-

дыми коллегами прошли «курс молодого куратора»: несколько лет курировали академические группы, хотя ненамного отличались по возрасту от своих подопечных, ходили на учебу и конференции. Помню, как-то в УПИ проводился день здорового образа жизни, и нас обязали прочитать студентам лекцию о ЗОЖ. Скучотища! Но социология опять выручила. Я дала задание провести блиц-опрос студентов и преподавателей университета, состоящий из одного вопроса: «Что такое здоровый образ жизни?». А потом мы все вместе весело обсуждали результаты. Самым интересным и здравожизненным оказался ответ Ю. Р. Вишневого, который «попался» моим анкетерам: «Здоровый образ жизни, — сказал он, — это здорово жить!».

Вернусь к началу ответа на заданный Вами вопрос. На кафедре, на которой я оказалась вроде бы так, случайно, работали не случайные для меня люди. С ними я познакомилась намного раньше моего прихода в университет. Видимо, все те, с кем нужно идти по жизни, все-таки притягиваются. Например, с Татьяной Анатольевной Юшковой, несмотря на ее уход в другой вуз, не только поддерживаем контакты и дружим, мы просто породнились. Поэтому моя профессиональная биография состоит еще из встреч, разговоров, противоречий с этими замечательными людьми — из всего того, что составляет сущность человеческих отношений.

Какую тему Вы избрали для кандидатского исследования? Как работа шла? Когда Вы ее завершили и защитили?

Кандидатская диссертация была посвящена профессиональной культуре офицеров современной российской армии. Как я уже говорила, в социологию меня привела еще в годы учебы в университете необходимость. Несколько лет подряд я писала курсовые работы на тему «Смысл русской иконы», связанную с научными интересами моего руководителя. Однако смысл темы, да и самой русской иконы, несмотря на три или четыре курсовые и огромное количество богословских, культурологических, искусствоведческих и иных книг, прочитанных мной, так и остался для меня темным. Может быть, я бы поняла его к 5 или 6 курсу, но как раз в это время у нас читалась «Социология культуры». И это решило мои проблемы.

Курс вела ученица Льва Наумовича Когана Елена Викторовна Грунт. Высокая, красивая, приветливая, она рассказывала о живых людях, их реальных мнениях, оценках, образе жизни, интересах и мотивах поведения. Это было понятно, зримо и интересно. Окончательное решение о том, что нужно менять тему, руководителя, а может быть и научное направление, было принято после прочтения книг двух Коганов — Льва Наумовича и Леонида Борисовича. Город, горожане, городская культура, культурные потребности, самореализация... Так я вышла на проблему художественных потребностей социальных общностей. Но в то время единственной доступной для меня общностью были жители военных городков, офицеры.

Сначала возникла тема дипломной работы (это была первая выпускная работа по социологии культуры на факультете культурологии, и было немного страшно от ожидания реакции комиссии и руководства кафедры), потом была написана сама работа, на ее основе — сразу две публикации. Как оказалось,

труднее всего было набрать текст диплома с помощью только появившегося персонального компьютера, в редакторе «Лексикон», чем провести анкетирование и проанализировать материал. Работать было легко.

Также легко далась тема кандидатской и исследование по ней, хотя в то время у меня уже возникли проблемы с объектом эмпирического исследования. Военные организации чрезвычайно закрытые, приходилось пользоваться всеми возможными путями — официальными, полуофициальными, неформальными, личными связями. Помогали все — научный руководитель, знакомые, друзья, преподаватели военных кафедр УрГУ и УПИ, друзья мужа — военные журналисты.

Вторая проблема, возникшая по мере появления эмпирического материала, — это его обработка и анализ. Все-таки отсутствие профессионального социологического образования давало о себе знать здесь достаточно остро. Я купила программу «Vortex», разработанную екатеринбургским социологом Денисом Шкуриным, самостоятельно ее освоила, тем более, что она была несложной (SPSS была еще впереди), обработала массив и... опять зашла в тупик. Термины «корреляция», «коэффициент Спирмена», «факторный анализ» и пр. для меня были высшей математикой. Пришлось учиться, читать книги, ходить на консультации к знакомым социологам, обивать порог социологической лаборатории, которой тогда заведовала Оксана Шубат (с ней мы сейчас случайно или неслучайно(?) работаем в одной научной группе). До сих пор я до конца не преодолела в себе «комплекс профессиональной неполноценности» и с пиететом отношусь к тем коллегам, для которых статистическая обработка данных представляется социологической эквилибристикой.

«Благодаря» этой проблеме моя библиотека и архив конспектов весьма существенно пополнились работами В. А. Ядова, Г. Г. Татаровой, И.Ф. Девятко, А. О. Крыштановского, Ю. Н. Толстовой. Потом появились книги по качественным методам исследования А. Готлиб, С. Белановского, В. Семеновской и др. Помню мою первую реакцию от «Стратегии социологического исследования» В.А. Ядова. Было желание все закрыть: книгу, свое исследование, тему, диссертацию и пр. Но после, наверно, десятого прочтения «Стратегии» (а читала я ее и целиком, и по частям, главами и абзацами, вдоль и поперек, с карандашом, выписками, рабочими материалами своей программы и инструментария), стало проясняться. Я поняла, что смысл и стратегию социологического исследования, в отличие от смысла русской иконы, я все-таки найду.

Работа состоялась, даже успешно прошла социологическую «цензуру» Н. Н. Маликовой, главного специалиста по организации и методам социологического исследования факультета социологии УрГУ, и в апреле 2002 г. была защищена. Эту защиту мои коллеги помнят до сих пор, потому что она была в прямом смысле кафедральной: диссертации представляли трех молодых преподавателей кафедры Ю. Р. Вишневецкого. Может быть, не так мы были хороши, как нас было много.

Через некоторое время, достаточно быстро, я отошла от темы диссертации. Для меня это была действительно квалификационная работа. Я училась мыслить и действовать социологически, преодолевая в себе культуролога и определенную научную маргинальность. Мне кажется, не все это удалось, культурологические «уши» нет-нет, да и высовываются, иногда мешая, иногда помогая мне в сегод-

нышних исследованиях. Свои достижения в этом направлении я вижу хотя бы в том, что четко определяю возможности той и другой науки в исследовании одного и того же феномена, где их можно соединить, а где они кардинально расходятся и мешают друг другу.

Зачем (или почему) Вы выбрали тему, связанную с опросом военнослужащих, Вы же понимали, что возникнут трудности со сбором данных? Не проще ли было приняться за разработку теоретической проблематики, лежащей в области пересечения культурологии и социологии?

Да, я понимаю, «нормальные герои всегда идут в обход». Но у меня так не получилось. Тема была уже определена руководителем, теоретическая часть продвигалась хорошо, был задел, и бросить все на полдороге не возникало даже мысли. Проблемы с эмпирикой были, но они все равно решались и не было причин отказываться от работы. Мне кажется, такие проблемы достаточно часто возникают у социологов: туда не пускают, здесь не разрешают, там опасаются чего-то. Я воспринимала эту ситуацию как нормальную. Иногда было даже интересно находить выход из той или иной ситуации.

Сейчас я понимаю, какие интересные темы можно было бы исследовать на стыке социологии и культурологии. Но понимание этого пришло позже, с опытом работы в социологии и определенной свободой, которая наступает после защиты диссертации.

Полина, только что увидела свет Ваша монография «Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей», поздравляю Вас. Ниже я попрошу Вас рассказать о содержании книги и Ваших основных выводах. А сейчас, пожалуйста, поясните, как Вы от интересов культурологического плана и изучения профессиональной культуры военнослужащих перешли к анализу темпоральной тематики?

Спасибо. Эта книга — определенный (конечно, промежуточный) итог в работе, которая началась несколько лет назад. В 2004 г. пришлось осваивать новый курс — межкультурные коммуникации (его «сбросили» нам лингвисты, читавшие его как страноведение). Это была удача, «Остапа понесло»...

Проблемы понимания Другого, символические границы культурных групп, латентные межкультурные конфликты, язык и культура, этнокультурная политика, кросскультурный менеджмент, глобализация и сохранение культурной самобытности, инкультурация, категоризация культуры и многое другое. И все это опять изучалось и потом рассказывалось (замечу — не гуманитариям, а управленцам, экономистам) через историю, литературу, социологические исследования, фильмы, иллюстрации, анализ повседневных ситуаций и жизненных историй.

Результаты освоения этой области науки и практики были различными: три учебных пособия (которые до сих пор мне самой нравятся), ряд публикаций, программы дополнительного образования и самое главное — выход на тему, которая сегодня для меня стала главной — проблема времени. Постепенно из всего массива межкультурной проблематики она стала основной. Я стала осознавать, что о чем бы я не говорила, над чем бы не размышляла, везде возникает тема времени — до, после, вместе с основным сюжетом анализа, а порой и вместо него.

Кроме того, интерес к времени подогревался личными и профессиональными задачами. С 2009 г. резко возросла моя занятость: в семье появился второй ребенок, я очень быстро вернулась к работе в университете, муж заканчивал докторскую диссертацию и выходил на защиту, выросла учебная нагрузка на кафедре, нужно было осваивать новые курсы, образовательные технологии дистантного обучения, разрабатывать электронные образовательные комплексы и многое другое. Хотелось серьезно заниматься наукой, нужно было все успеть. Мои сутки растягивались на 26–28 и более часов, время уплотнялось и стремительно летело. Не думаю, что это были только субъективные ощущения, объективно российское общество в те годы качественно изменялось, стремительно менялось положение дел в сфере образования и науки, появились новые требования и новые возможности в университете, который получил статус федерального.

Все сошлось в единой точке — теоретический интерес к социальному времени и практическая необходимость управлять им, плюс мое биографическое время, мой собственный возраст. А той самой отправной точкой послужила встреча с профессором Г. Е. Зборовским, для которого социальное время оказалось не просто одной из научных тем, а, по его собственным словам, «первой любовью». Его идеи, советы, концептуальное видение определенных проблем определили в дальнейшем границы моего научного поиска и окончательно оставили в рамках социологии. Долгое время я работала самостоятельно, мечась между социологией, культурологией и философией. Окончательную точку в моем стихийном освоении темы времени поставило решение пойти в социологическую докторантуру. Так начался новый этап в моей научной работе.

Первоначально меня интересовало понимание времени и отношение к нему в различных культурах. Поскольку время выступает базовой категорией культуры, я искала его отражение в различных ее формах и комплексах. По мере углубления в проблематику я вышла на такой поворот в теме, как страх перед временем и способы его преодоления. Я начала изучать мифологию, работы по средневековой культуре (прежде всего Ф. Арьеса), философию страха (С. Кьеркегора и др.), немногочисленные современные работы по проблемам избегания смерти, ностальгии. Однажды я поняла, что в работе над этим аспектом надо остановиться: слишком много страха, пессимизма и других негативных эмоций я начала пропускать через себя, не только свои страхи, но и чужие, накопленные за многотысячелетнюю историю человечества. Так начался поворот к противоположному полюсу — надеждам, связанным с временем, ожиданиям.

...и что? Какую собственно исследовательскую проблему Вы перед собой поставили? Как ее анализировали, на основе какой методологии? К каким главным методологическим и содержательным выводам Вы пришли? И последний в этой обойме вопрос, личного плана: помогло ли это в упорядочении собственного времени? Поделитесь опытом...

Книга посвящена управлению темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, формируемыми в условиях нелинейной динамики социального времени. Ее главная идея заключается в том, чтобы показать, как возможно и насколько необходимо регулирование темпорального поведения представителей различных социальных общностей с целью ориентации их жизненных стратегий на социальное время (в самом широком спектре его про-

явлений). В книге доказывается, что качество жизни, успешность и реализация потенциала социальной общности во многом зависят от того, выбрано ли социальное время в качестве стратегического ресурса и ориентира ее жизнедеятельности или нет, насколько позитивно воспринимаются социальной общностью нелинейное время и его свойства, в какой мере развиты темпоральные навыки и потребности у членов социальной общности.

Основную проблему книги я бы сформулировала в виде двух противоречий: 1. Противоречие между необходимостью и стремлением одних социальных общностей к максимальной реализации выработанных ими эффективных, конструктивных темпоральных стратегий и реальными социокультурными условиями, препятствующими этому. 2. Противоречие между объективной необходимостью других социальных общностей формировать инновационные, конструктивные темпоральные стратегии поведения и отсутствием у них потребности, знаний и опыта в выстраивании четкой темпоральной позиции и стратегии поведения.

Актуальность исследования названной проблемы была связана как с острыми проблемами социальной практики, так и с особенностями развития самого научного знания о социальном времени. С одной стороны, мы наблюдаем проблемы «прессинга времени», связанные с чрезвычайным ускорением всех социальных процессов, возникновением ситуации высокой неопределенности и ограниченными способностями людей управлять своей жизнью, своим поведением в этих условиях. С другой стороны, мы видим недостаточность традиционной теории и методологии изучения социального времени (реализующей прежде всего количественный подход к нему) и необходимость развития концепций социального времени в его современной нелинейной конфигурации, с резкими темпоральными поворотами, разрывами, замедлением/ускорением, многоуровневостью и многовекторностью. Также очевидно отсутствие управленческих подходов к регулированию жизненных стратегий с учетом влияния фактора времени.

Замечу, что анализ современной отечественной литературы по социологии времени показал отсутствие терминов «нелинейного времени» (исключение составляют работы С. А. Кравченко) и «темпоральных стратегий поведения» в социологическом тезаурусе. Концепция нелинейного времени и его динамики как таковая не разработана в отечественной социологической науке, в ликвидации этого пробела и состояла одна из задач моего исследования.

Главные методологические предпосылки предпринятого мной исследования связаны с работами постмодернистов — З. Баумана и Дж. Урри. Их труды для многих социологов стали «локомотивом», стремительно продвигающим и направляющим научный поиск путей решения актуальных, сложных, смысло-жизненных проблем современности. Полагаю, что изучаемый мной вопрос также относится к этому предметному ряду. Однако книги Баумана и Урри — ключевые, но не единственные в разработке методологических основ исследования управления темпоральными стратегиями социальных общностей. Дело в том, что в них изложены постулаты новой теории времени (нелинейного, текучего, мобильного, мгновенного и т.д.), но нет опыта эмпирического его исследования. Поэтому, конечно, огромное значение для меня имел тот огромный пласт социологического знания, который был связан с традиционным подходом к социальному времени и который нашел свое воплощение в конкретных методиках эмпирического изучения социального времени. Я имею в виду исследования вре-

мени, а также его бюджетов (Г. Виленски, Ж. Дюмазедье, М. Каплан, С. Паркер, В. Д. Патрушев, Г. А. Пруденский, Р. А. Стеббинс, Д. Робинсон, Ж. Фридман), отечественную философско-социологическую традицию изучения различных видов социального времени – рабочего, вне рабочего, свободного, досуга и т. д. (В. А. Артемов, А. Л. Гордон, Б. А. Грушин, Г. Е. Зборовский, Э. В. Клопов, В. Д. Патрушев, Г. С. Петросян, Г. П. Орлов, Н. А. Хренов и др.), коллективной и исторической памяти, а также времени поколений, биографии и жизненного пути (В. Н. Ярская, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада, В. В. Семенова и др.).

Методологию собственного исследования я бы изобразила в виде четырехлистника, в котором первый лист – это методология изучения темпоральных явлений, второй – теория социальной общности, третий лист – методология исследования темпоральных стратегий поведения, четвертый – управленческий поход. Судя по объему выше написанного мной о социальном времени и порядке перечисления составляющих элементов методологии уже можно говорить, что изначально главный интерес был связан с темпоральной проблематикой. Однако сегодня имеет смысл говорить и о смене приоритетов: управление временем выходит на первое место, о чем свидетельствует название книги.

Помимо теоретико-методологического материала в книге содержатся результаты эмпирических исследований темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей, которые были проведены небольшим научным коллективом, включающим, помимо меня, профессора Гарольда Ефимовича Зборовского и ассистента кафедры Анечку Кузьминчук. Эти исследования в 2014 г. были поддержаны РГНФ, что не только придало нам уверенности в значимости нашей темы, но и обеспечило финансовыми ресурсами проведение массовых опросов и качественного исследования. На первом этапе мы провели анкетирование студенческой молодежи (выборка охватывала государственные вузы Екатеринбурга, N=1200) и волонтеров Екатеринбурга и Каменск-Уральского (выборка составила 600 человек). На втором этапе были проведены глубинные интервью с представителями научно-педагогического сообщества и бизнес-сообщества (предпринимателями, менеджерами, фрилансерами).

Хотя мы изначально предполагали, что представители всех четырех общностей будут демонстрировать инновационные темпоральные стратегии поведения, на самом деле оказалось, что в большей степени они сформированы только в бизнес-сообществе и в отдельных группах научно-педагогического сообщества. К сожалению, волонтеры и студенческая молодежь, при всех замечательных их качествах, в большинстве своем не обнаружили интересующих нас новых, конструктивных темпоральных стратегий. На мой взгляд, ситуация с волонтерами не выглядит критичной, потому что общность чрезвычайно дифференцирована, имеет подвижные границы, структуру, проходит первые этапы своего становления в российском обществе. Главный вывод по ней связан с осознанием специфичности временного капитала данной общности, реализуемого не в профессиональной сфере, а именно в области волонтерской работы: для волонтеров время (прежде всего, свободное время) – это ресурс, который они при непрямом конвертировании обменивают на другие социальные блага, это ресурс, который они добровольно отдают другим людям (в отличие от тех же менеджеров или фрилансеров, для которых дефиниция «время – деньги» в определенном смысле остается актуальной).

А вот ситуация со студенчеством настораживает. Их отношение к времени, способность жить в турбулентных режимах нелинейного времени, не говоря уже о стремлении использовать те преимущества, которые оно дает для развития, самоосуществления, жизненного продвижения, далеки от тех показателей, которые сегодня не только желательны, но просто необходимы молодежи.

Я называю не все результаты исследования, поскольку о них можно прочесть в книге, но только те, которые действительно заставляют задуматься о проблемах темпорального существования социальных общностей и которые необходимо решать с помощью инструментов «мягкого», регулирующего управления. Кроме того, это результаты, связанные с определенными находками методического плана. Речь идет о «глубинниках», к которым, честно признаюсь, было страшно приступать: все-таки время — это тоже «звук не для земных ушей», и было не ясно, как сработают вопросы о восприятии нелинейного времени (понятие которого оказалось очень трудно операционализировать), биографическом времени и др. Но после одного—двух интервью страх прошел. Информанты легко шли на контакт, проявляли живой интерес к проблематике, раскрывались не только передо мной, но и перед самими собой. Многие из тех, с которыми мне впоследствии довелось еще раз встретиться, признавались, что, рассказывая «о времени и о себе», открывали себя заново. Более того, эта саморефлексия подтолкнула некоторых из них что-то изменить в своей жизни, принять какое-то жизненно важное решение, просто задуматься над тем самым драгоценным временем, которое на самом деле дороже денег.

Именно тогда, в период проведения «глубинников», я в полной мере поняла, что такое профессиональная ответственность социолога. Не ставя целью вмешательство в личное поле (пространство-время) информантов, тем не менее невольно я это делала. Я рада, что от этого был только положительный психотерапевтический и социальный эффект. Надо сказать, что он сказался и на мне.

Как я уже говорила, к проблеме времени я пришла не только из чисто научного интереса, но и необходимости выстроить траекторию собственной жизни. Совру, если скажу, что теперь мне все стало понятно, и я приобрела все необходимые темпоральные способности и навыки. Вовсе нет. Хотя количество прочитанных книг, освоенных методик тайм-менеджмента действительно перешло в определенное качество жизни. Наверно, объективно я стала успевать больше, по крайней мере, больше, чем некоторые из моих коллег или близких, благодаря умению расставлять приоритеты, все четко планировать, чувствовать время, его нелинейные изгибы и пульс, иногда жить сразу в нескольких его измерениях. Но это всего лишь технология. На самом деле больший эффект был в другом. Погружаясь в жизненный мир моих собеседников, я ощутила, что время живое. Оно переливается красками (как заметила одна из моих собеседниц), оно многомерное (как 3D, по мнению другой), оно проявляется в таких формах социальной жизни, о которых я и не подозревала («и это тоже время? и это тоже о нем?» — говорила я себе в этом случае). Время нужно любить, с ним можно и нужно дружить, договариваться. Воевать с ним, обманывать его бесполезно и даже вредно. Может быть, говоря об этом, я опять уйду из рамок социологического дискурса, и из социолога превращаюсь в 300-летнюю черепаху Тортиллу? (кстати, черепаха в мифологии многих народов была связана с темпоральной символикой вечности, бессмертия, начала сотворения времен, предсказания будущего и т. д.).

В качестве P.S. Про время и социологию.

Мне кажется, что социология, как никакая другая наука (может быть, за исключением истории), связана с временем. У истории и социологии разное отношение к времени и разные отношения со временем. Мне пришлось интервьюировать двух преподавателей-историков и двух социологов (хотя считается, что этого нельзя делать, но я все равно интервьюировала, поскольку они имели иное первое образование – экономическое и естественнонаучное). Совершенно очевидно было, что их понимание и восприятие времени кардинально отличаются. Историки «привязаны» к прошлому и даже при описании прошлого показывали, как в древности, местонахождение прошлого в направлении от себя (будущее оставалось за плечами). Социологи же, напротив, ориентированы на настоящее и будущее. Нарисованные ими образы времени были больше похожи на футуристические картинки или постмодернистскую архитектуру. Их представления оказались более позитивными, чем у историков. Вообще я мало встречала пессимистов среди коллег по профессии. Их мало и в старшем, и в среднем, и в младшем поколениях, хотя судьбы у многих из них были далеко не простыми. Да и та реальность, с которой социологам приходится работать, далеко не радужная. Наверно, втягиваясь в социологическую орбиту, я интуитивно чувствовала это.

Социологи не просто занимаются настоящим по необходимости, им нравится настоящее и будущее. А мне нравится девиз, который соответствует духу, природе нашей науки: смотри на мир и время реалистично, думай оптимистично. На том и стоим.